

гическому аспекту в развитии богослужения; поиску и выявлению первоисточников той или иной службы; установлению новых граней при изучении процесса освоения Русью православного наследия Византии, в частности корпуса богослужебных певческих книг.

Е.В. Уханова (Москва) в докладе «К вопросу о первых этапах богослужения Русской Церкви (конец X–XI в.) и его византийских образцах» поведала о приоритете Уставов на Руси, а И.Е. Лозовая (Москва) в докладе «Типология древнерусских Параклитов и их отношение к действующему литургическому Уставу» предложила классификацию древнерусских Параклитов, древнейшей формы византийского Октоиха, с точки зрения состава седмичных памятней и конкретного содержания текстов. Данной проблематике были посвящены доклады Н.В. Заболотной (Москва) «Функциональные особенности богослужебных певческих книг эпохи Студийского Устава», Юлии Шлихтиной (Москва) «Тропари Царских часов: истоки и структура цикла, место в богослужении», Елены Шевчук (Киев) «О развитии певческого искусства в России и на Украине в середине XV – середине XVII в. (к проблеме ассимиляции поствизантийских влияний)».

Участники конференции из Армении, Грузии, Болгарии, Сербии познакомили коллег-ученых с новыми достижениями по вопросам литургического певческого искусства государств восточнохристианского мира, осветили процессы взаимодействия с византийской музыкальной культурой. В сообщении армянской исследовательницы А.С. Аревшатын ведущий жанр армянского песнетворчества – шаракан был рассмотрен в контексте восточно-христианской гимнографии Византии и Сирии. Вопросам грузинской литургической практики на примере изучения литургических особенностей чина Всенощного бдения посвящено выступление М.Г. Андриадзе «Особенности песнопений Всенощного бдения в Грузии на материале литургических и нотированных рукописей». Автор стремился исторически достоверно восстановить традицию Всенощного бдения в Грузии, воспринявшего различные особенности восточного богослужения. Молодая сербская медиевистка Весна-Сара Пено познакомила участников форума с особенностями сербской церковно-музыкальной практики на примере Причастных стихов, а также подчеркнула роль константинопольских и афонских церковных певчих в обучении и развитии сербских церковных музыкантов в XVII–XVIII вв.

К сожалению, некоторые зарубежные исследователи, принявшие приглашение и приславшие темы докладов, не смогли приехать, однако мы надеемся опубликовать их материалы: Грегори Майерс (Канада, Ванкувер) «Киев, Капастория и монастыри Великой Греции: литургические и музыкальные связи в XII–XIII вв.»; Кристиана Димитриу (Австрия, Вена) «Музыкальная практика Православной Церкви Кипра и ее рукописная традиция».

О.О. Живаева

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СИМПОЗИУМ «РЕЛИКВИИ В ИСКУССТВЕ И КУЛЬТУРЕ ВОСТОЧНОХРИСТИАНСКОГО МИРА»

(Москва, 16–19 мая 2000 г.)

Центр восточнохристианской культуры провел еще один международный симпозиум по очередной основополагающей для православной культуры проблеме. Центр, который готовится отметить свое десятилетие, он стал одним из очагов современной отечественной медиевистики, а организованные им конференции («Реликвии...») – это пятый симпозиум такого рода) стали заметными событиями научной жизни столицы, поскольку представляют собой что-то вроде международного конгресса византинистов в миниатюре. Главные приметы этих симпозиумов: во-первых, стремление выделить некую магистральную тему, имеющую общекультурное значение и в то же время не являющуюся актом исследовательского насилия по отношению к изучаемой эпохе, во-вто-

рых, их международный статус, и, в-третьих, многообразии представленных докладов, задача которых вывести заявленную тему симпозиума на междисциплинарный уровень, покинув пределы классической истории искусства с ее методологически ограниченными возможностями. Эта особенность симпозиума имеет первостепенное значение прежде всего для отечественных историков искусства, на долю которых пришлось значительная часть докладов – методологический традиционализм, принятый и нередко отстаиваемый в этой среде, встретился с альтернативой, предложенной русскими и зарубежными учеными. Остается только пожалеть, что некоторые из иностранных (да и не только) исследователей, собиравшихся принять участие в конференции, по тем или иным причинам не смогли осуществить свое намерение, впрочем, тезисы их докладов напечатаны в сборнике, в котором, кстати говоря, имеется небольшая, но информативная антология текстов о реликвиях, в частности здесь опубликованы переводы ряда византийских эпиграмм, а также латинского описания константинопольских святынь – так называемого «Таррагонского анонима» XI в. (см.: Реликвии в искусстве и культуре восточнохристианского мира. Тезисы докладов и материалы международного симпозиума / Ред.-сост. А.М. Лидов. М., 2000).

Большая часть докладов симпозиума была посвящена культуре восточнохристианского Средневековья вплоть до XVII в. Тематически их можно разделить на несколько групп, которые соответствуют доминировавшим на конференции аспектам проблемы реликвий. Прежде всего, это культурные потенции и «анатомия» средневекового почитания останков, которая, как показано в докладе С.А. Иванова (Москва), нередко – в тех случаях, когда какой-нибудь подвижник пользуется прижизненным почитанием, – подразумевает противоречащее человеческим устремлениям новоявленного святого благочестиво-экзальтированное «анатомирование» верующими его едва остывшего трупа. В сообщении Э. Бакаловой (София) была затронута проблема изучения культов местных святых и их мощей, возникших в рамках национальных культур, в частности болгарского Средневековья. Э. Бакалова указала на терминологическую специфику восточнохристианского культа, на роль реликвий в развитии политической идеологии и формировании сакрального пространства и на визуальную фиксацию подобных процессов, на прямую связь с местными культами памятников. Применительно к русскому материалу схожий комплекс проблем, решаемых с привлечением археологических и литургических данных, выделил диакон А. Мусин (С.-Петербург). Его доклад свидетельствует о том, что проблема статуса реликвии актуальна и в наше время, когда значительная часть чтимых святынь находится в музейных коллекциях. Здесь же отметим не прозвучавший на конференции доклад Ф.Б. Успенского (Москва), который установил неожиданное сходство противоречащего византийской культовой практике восприятия нетленности тела как показателя святости на Руси и в Скандинавии. Однако репертуар средневековых реликвий не исчерпывается «официально» чтимыми останками и артефактами. Ш.М. Шукуров (Москва) в рамках постулируемой им терминологии (науки о Храме) попытался определить храм как реликварий метафоры Древа Жизни, а в сообщении О.В. Беловой (Москва) было проанализировано народное почитание «костей великанов» (костей ископаемых животных) в Польше, на Украине и в Белоруссии. И все же последний разряд святынь, проходящий по ведомству актуальной проблемы народного христианства, в рамках симпозиума был потеснен именитыми реликвиями с давним сроком и широкой сферой почитания. Среди них первенствовал Мандилион, или Нерукотворный образ Христа. Он так или иначе фигурировал в пяти докладах, часть которых была посвящена конкретным памятникам (сообщения Р. Кормака, М. Еммануель, Л.М. Евсеевой). Научная популярность Мандилиона кажется вполне естественной: растиражированный средневековыми мастерами образ Христа обладал двойным статусом – статусом древнейшей иконы, а значит, непререкаемого аргумента в пользу иконопочитания, и статусом важнейшей реликвии. «Контактное» происхождение Мандилиона делало возможным его соотнесение и с другими контактными реликвиями, вроде отпечатков стоп Христа. О влиянии подобных концепций на византийскую сакральную топографию говорилось в докладе Г. Вольфа (Трир). Ключевая проблема иконы как реликвии и реликвии как образа поддается разнообразным толкованиям.

В сообщении Лиз Джеймс (Лондон) была проанализирована оппозиция двух типов православных святынь, часть которых, а именно реликвии-останки, предназначалась для императорского поклонения, тогда как другой разряд святынь – чудотворные иконы – был доступен для массового почитания. Иной, и, видимо, многообещающий аспект проблемы был затронут в докладе А.М. Лидова (Москва). На примере Мандилиона, Керамиона и алтарной завесы Софии Константинопольский докладчик показал, что совмещение одним и тем же артефактом иконных и реликвийных функций часто становилось основополагающим фактором формирования сакрального пространства, которое автор считает важнейшей, но до сих пор не получившей легитимного научного статуса категорией восточнохристианской культуры. Соотношение культа реликвий Христа и Богоматери (реликвии Страстей, ризы) и важнейших чудотворных образов (Мандилион, «Одигитрия» евангелиста Луки) было темой доклада М. Баччи (Пиза). Последний считает, что в XI–XIII вв. обладание подобными святынями, которые традиция возводила к евангельским временам, служили весомым аргументом в конфликтах между Римом и Константинополем – оба эти центра, боровшиеся за статус нового Иерусалима, использовали реликвии и иконы для конструирования идей апостольского преемства. М. Евангелату (Афины) предположила, что изображения Гроба Господня на страницах византийских Псалтирей IX в. отражают роль Св. Гроба как аргумента в полемике с иконоборцами: существование этой реликвии, по мнению докладчика, доказывало описуемость, а значит, и изобразимость Христа.

Связям культа реликвий и политической идеологии на примерах армяно-византийских контактных зон и средневековой Сербии были посвящены доклады В.А. Арутюновой-Фиданян (Москва) и Д. Попович (Белград). В.А. Арутюнова-Фиданян указала на роль культа общехристианских святынь в установлении нового типа армяно-византийских отношений. Д. Попович охарактеризовала династические и политические функции культа реликвий в Сербском государстве, где наиболее почитаемые реликвии были связаны с местными политическими деятелями. Схожая проблема была рассмотрена в сообщении Э. Истмонда (Уорвик), который связал культ частиц Истинного Креста с процессами легитимизации императорской власти в государствах, возникших на территории Византийской империи после 1204 г. Е.В. Уханова (Москва) исследовала связь культа мощей св. Климента Римского с ранним этапом истории русской церкви: до второй половины XI в. папу Климента воспринимали едва ли не как первого просветителя Руси. В докладе О.Ю. Тарасова (Москва) была затронута малоизученная проблема почитания реликвий в XIX в. Он указал на политико-идеологический контекст культа святынь русского Андреевского скита на Афоне.

Традицию рассмотрения образа как своего рода реликвий продолжил доклад Дж. Гарнетт и Дж. Россера (Оксфорд), посвященный культуре чудотворной (греческого происхождения) иконы Успения Богоматери, почитавшейся с 1557 г. в Монталлего под Генуей. А.А. Турилов (Москва), предложив обобщающий доклад о эволюции специфического жанра древнерусской литературы – сказаний о чудотворных иконах, – выделил ряд этапов почитания чудотворных икон, каждому из них присуща определенная схема их прославления.

Едва ли не большая часть докладов симпозиума была посвящена конкретным реликвиям и связанным с ними историческим ситуациям. Присутствующим явно заинтриговал доклад Дж. и Р. Джексона (Колорадо), в котором речь шла о Туринской плащанице. Докладчики, опираясь на методiku, разработанную в Центре исследований Туринской плащаницы в Колорадо, пытались доказать, что в средневизантийское время плащаница хранилась в Константинополе и что существующее на ней изображение Христа повлияло на возникновение иконографии «Христос во гробе». Опираясь на свидетельство Робера де Клари, который в 1204 г. видел в Константинополе погребальный синдон Христа с Его ликом, схожую гипотезу высказала И.А. Шалина (С.-Петербург). О судьбе восточных святынь, привезенных в Москву греческим духовенством XVII в., шла речь в докладах Б.Л. Фонкича (Москва) и Н.П. Чесноковой (Москва). С проблемой передвижения реликвий соотносится тема средневекового паломничества, также затронутая на конференции. Ее итоги показали, что наиболее популярным древнерусским пилигримом продолжает оставаться Антоний Новгородский. Т.Ю. Царевская (Новгород) проанали-

зировала сюжет с привезенным Антонием «Гробом Господним», который скорее всего был лентой-мерой гроба, а Дж. Маджеска (Мэриленд) указал на значение составленной Антонием «Книги Паломник» для изучения особенностей средневекового русского благочестия и исследовал набор отмеченных Антонием реликвий. В докладе Л.А. Беляева (Москва) была высказана мысль о том, что каменные новгородские иконки с резным изображением Гроба Господня, воспроизводя его реальные черты, в глазах верующего являлись полноценной заменой настоящих реликвий. С.В. Гнутова (Москва) исследовала типологию русских меднолитых реликвариев, а О.В. Ошарина (С.-Петербург) – символику изображений кадила на византийских паломнических евлогиях. А.В. Рындина (Москва) предложила оригинальную интерпретацию паняги архиепископа Серапиона: она могла быть хранилищем особой реликвии – хлеба Тайной вечери, культ которой существовал в Константинополе и мог актуализироваться в Новгороде в эпоху ереси стригольников.

В значительной части представленных сообщений говорилось об архитектурном и художественном конструировании культа тех или иных святынь и прежде всего чтимых погребений: по отношению к памятникам русского Средневековья эта проблема в настоящее время почти не разработана. Вл.В. Седов (Москва) едва ли не впервые в истории отечественной медиевистики предложил обобщающую работу, в которой была исследована типология княжеских усыпальниц домонгольской Руси в связи с возникновением культа «блаженных» князей. В докладе А.Г. Мельника (Ростов Великий) на материале XVI в. рассмотрена близкая проблема реконструкции оформления гробниц русских святых. Доклад А.Л. Баталова (Москва) был посвящен появлению в сакральном пространстве русских храмов позднего Средневековья воспроизведений Гроба Господня. В московском Успенском соборе это был уникальный и символически насыщенный комплекс, включавший в себя и присланную из Персии Ризу Господню.

В группе докладов трактовались различные способы включения частиц святых мощей в архитектурный организм храма. Й. Цаффрир (Иерусалим), основываясь на результатах археологических раскопок в храмах Святой Земли, во время которых было найдено огромное количество реликвариев, проследил динамику развития культа реликвий в Палестине IV–VII вв. Н. Тетерятникова (Вашингтон) посвятила свой доклад проблеме реликвий, замурованных в основания, стены, столбы и престолы византийских церквей. А. Казарян (Москва) проанализировал особенности бытования реликвий в армянской архитектуре, указав в частности на существование каменных реликвариев в форме церкви, иногда располагавшихся вне храма. Каменные троны-реликварины на примере памятника из собрания Эрмитажа были рассмотрены В.Н. Залеской (С.-Петербург).

Песнопения в честь реликвий стали объектом исследования лишь в докладе В.В. Василка (С.-Петербург), который связывает введение в гимнографию темы почитания мощей с именем патриарха Германа. Несравненно более актуальной оказалась проблема отражения культа реликвий в иконографии. А. Семоглу (Фессалоники) продемонстрировал тесное родство иконографических схем Обретения главы Иоанна Предтечи и Воздвижения Креста и способы формирования иконографии обретения и положения чтимых реликвий. Н.В. Квливидзе (Москва) проследила историю сложившейся на русской почве иконографии Происхождения честных древ Креста Господня, в которой элементы гимнографических композиций совмещены с деталями, отражающими культ константинопольских святынь. И.А. Стерлигова (Москва), основываясь на древнерусских памятниках XII–XIV вв., исследует историю культа богородичной ризы на Руси и считает, что кроме непосредственно связанных с этой святыней изображений его отражали и драгоценные уборы икон Богоматери.

В ряде докладов затрагивались и другие способы визуальной фиксации различных святынь. Так, М.Н. Бутырский (Москва) показал, что «умножение святыни» – в данном случае иконы Христа Халкитиса – могло привести к замещению образа его чтимыми копиями, которые присваивали относящиеся к протографу предания. В сообщении Г.В. Сидоренко (Москва) был исследован иной вариант воспроизведения реликвии или чтимого образа, более характерный для позднего Средневековья. Он подразумевал не только изображение самой святыни, но и достоверную передачу особенностей ее демон-

страции. Ю.Н. Звезда (Москва), обратившись к русской иконописи позднего XVII в., коснулась проблемы освоения русской культурой западных эмблем с изображением страстных реликвий.

Работа симпозиума не ограничивалась выступлениями докладчиков. К конференции были приурочены две выставки – «Христианские реликвии в Московском Кремле» (Музей «Московский Кремль») и «Спас Нерукотворный в русской иконе» (Музей им. Андрея Рублева). Обе экспозиции продолжают тему сопоставления двух видов реликвий – собственно останков и чтимых образов. Впрочем, выставки говорят и о другом: во-первых, о стремлении всеми доступными средствами (доклады, публикация письменных источников, экспозиция памятников) доказать значимость изучаемого феномена, а во-вторых, о желании поделиться своими открытиями с широкой публикой, тем более, что тематические выставки подобного типа в какой-то степени возвращают реликвиям их исконную культурную активность, в то же время создавая представление о развитии определенной темы («Спас Нерукотворный») или же пытаясь воссоздать некий исключительный по богатству комплекс православных святынь (реликвии Кремля). Просветительский пафос пришелся кстати и в том смысле, что отечественные ученые своим участием в симпозиуме признали самоценный историко-культурный статус реликвий, рассылавших свои импульсы и в литературу, и в искусство, и в политическую жизнь Средневековья. Это важно именно потому, что еще недавно в научном пространстве различных стран этот статус эксплуатировали по-разному – в зависимости от состояния той или иной дисциплины или медиевистики, как таковой. Наиболее прагматичными оказывались русские историки искусства, которым зачастую хватало лишь констатации существования того или иного артефакта или его поверхностной интерпретации. В таких случаях проникновение в глубинную проблемы заменялось экстенсивным ее расширением, т.е. введением в оборот нового памятника или группы памятников (не зря в среде историков искусства одним из самых распространенных комплиментов в адрес кажущегося удачным доклада бывает похвала качеству исследованного «материала», но не самого исследования). В случае с реликвиями, и особенно по отношению к истории искусства, наблюдается обратная тенденция. Кажется, что симпозиум «Реликвии в истории и культуре восточнохристианского мира» с его конкретной и в то же время богато нюансированной темой, вне зависимости от качества каждого из представленных докладов, стал одной из вех на пути отхода отечественной науки от каталогизации памятников к их интерпретации.

А. Преображенский